

Михаил Веллер — писатель русский а гражданин зарубежный. Живет в Эстонии. Но книги его хоть и издаются по всему свету, написаны о нас с вами, о временах недавно канувших и нынешних. Широкому читателю они наверняка известны: "Хочу быть дворником", "Приключения майора Звягина", "Легенды Невского проспекта", "Самовар"... Только что в издательстве ОЛМА-ПРЕСС вышла его новая книга со скромным названием "Всё о жизни". Сегодня писатель — гость Российского читательского клуба, делится своими размышлениями о литературе, книгах и о жизни быстротечной.

Михаил ВЕЛЛЕР:

У МЕНЯ НЕ БЫЛО КУМИРОВ

— Я человек экстерриториальный. Воплощаю мечту Конфуция, говорившего, что, когда люди заняты своим делом, знать не знают, кто ими правит. Я постоянно забываю, кто там премьер-министр. Я пишу короткие рассказы по-русски, я не занимаюсь эстонской политикой. При этом я ещё не знаю эстонского языка, но у меня никогда не было в этом живой потребности: я сидел дома и работал, а когда женился, то вообще перестал знать какие бы то ни было языки, поскольку у жены свободный эстонский и английский — так что мне русский бы не забыть.

О БЕЛОЙ ВОРОНЕ И ОПАСНОСТИ СВОЕ СУЖДЕНИЕ ИМЕТЬ

Как я отношусь к тому, что некоторые критики называют меня белой вороной в поколении? Мне лестно, но это не совсем точно. Я никогда не входил ни в какие группировки, тусовки, даже не знал, что там творится. Иногда попадал впросак, потому что говорил что-то не тому и не о том... Здесь мы касаемся одного страшно интересного, но мало разработанного в журналистике и эссеистике вопроса. Литературная среда, которая декларирует свободумыслие, демократию, ненависть к цензуре, — люто ненавидит, категорически не приемлет свободумыслие в собственной среде. Литературное диссидентство «плывется», впадает в ступор, отряхивается, от инакомыслящего отворачиваются с отвращением! А все потому, что точка зрения в литературной среде — это не оценка, а символ веры. И когда тебе говорят, что Пастернак — гениальный переводчик, а ты возражаешь, утверждая, что он халтурщик, интеллигент-приспособленец, то ты не просто выражаешь несогласие с мнением, ты плюешь всем в лицо. Таково отношение литературной тусовки к инакомыслию. Поэтому на некоторые литературные кухни меня не должны пускать. Я никогда не считал Мандельштама великим поэтом, я никогда не считал Ахматову и Цветаеву равновеликими величинами, ибо Цветаева поэт гениальный, а Ахматова достаточно холодный виршеслагатель, хотя и ей иногда было больно и ее стихи были откровенными и искренними. Я никогда не отказывался от мнения, что ранний Константин Симонов был хороший поэт, никогда не считал Трифонова и Тендрякова большими писателями. Это моя точка зрения, я никому ее не навязываю. Я лишь позволяю себе ее иметь, оговаривая при этом, что эти большие фигуры мое мнение никак не умаляет и место их в истории рус-

ской литературы не меняет. Но все равно этого мне не могут простить... Думают, что здесь или самомнение непомерное, или я — козел.

ЧИТАЯ И ПЕРЕЧИТЫВАЯ

Круг чтения меняется не только с ходом времени, но и в зависимости от возраста, от эпохи. Если в двадцать лет я больше читал классику и философию, то в тридцать лет, когда на дворе стоял 1978 год, я занимался исключительно перечитыванием, ибо ничего хорошего в текущей литературе практически не появлялось. В 1988-м наступила иная эпоха. Если же говорить о круге чтения вообще, то значительная часть — это классическая литература и очень мало из современной, а кроме того, в последние годы появилось много литературы не беллетристической, которая интересна до чрезвычайности: историческая, философская и справочная, все то, чего в прежние годы мы были лишены напрочь. Сегодня именно эти книги читать интереснее, нежели беллетристику.

В двадцать пять лет, начав писать сам, я обнаружил, что писать не умею. В ужасе и отчаянье обратился к тем, кто умел, и вдруг выяснилось, что я не только не умею писать. Но и читать тоже. Несмотря на то, что прошел курс русской литературы в Ленинградском университете. Когда я начал читать как профессионал, а это очень медленное чтение, то оказалось, что в любой хорошей книге столько всего, что этого хватит для размышлений на целую жизнь. Вот перечитыванием я и занимаюсь до сих пор.

Что же касается разочарования в кумирах, то у меня их никогда не было. Хотя, скажем, в восьмом классе я полагал чрезвычайно достойной и умной книгу Чернышевского "Что делать?" Надо признаться, что о каких-то вещах он действительно сказал больше умного, чем, допустим, Жюль Верн. Но смотря что с чем сравнивать. Скажем, Хемингуэй был знаменем двух поколений, но, что воспринималось в 60-е, не могло повториться через двадцать лет. Получалось, что это как бы два разных писателя, потому что с тех пор нами было много прочитано, передумано, пришла возможность больших сравнений. И вдруг оказалось, что Шервуд Андерсон был гораздо лучшим новеллистом, чем Хемингуэй. Выяснилось, что последний был гениальнейшим из всех мастеров саморекламы в литературе всего XX, а может быть, и не только этого века, что никак не умаляет его творчества. Просто расширилось поле зрения, только и всего.

О ВЕЧНОМ И ПАРОХОДЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Моя последняя книга, вышедшая в издательстве ОЛМА-ПРЕСС, называется "Все о жизни". Это книга, каких давно не пишут. Это новая, моя собственная концепция человека и мира. Книга об основах бытия, мироздания, человека как структуры психической и энергетической, а кроме того, все главное о каких-то основных вещах, которые можно отнести, если говорить языком трафаретным, к этике. Что есть свобода, совесть, слава, зависть и т.д. Поскольку там идут не рассуждения на разные темы, а анализ с точки зрения моей же собственной теории, где Вселенная на одном конце, а психика человека на другом всей этой шкалы, то я решительно полагаю, что мне удалось понять что-то, чего, наверное, не понимали до меня.

Есть разные писатели. Одним необходимо что-то увидеть, взять где-то сюжет, и они страдают от того, что писать могут, но только не знают о чем. У других писателей, напротив, есть масса сюжетов, но они не успевают их обрабатывать. Я скорее принадлежу ко вторым. Лет пятнадцать назад я решил классифицировать все свои клочки, черновички, бумажки, заметки, полагая, что за день я точно управлюсь. Я просидел четыре. К моему собственному удивлению, выяснилось, что у меня около четырех с половиной сотен сюжетов, и я с печалью понял, что, видимо, все их я написать не успею, потому что думать быстро, а пишется очень медленно. Сейчас у меня есть несколько совершенно готовых книг в голове, и проблема только в том, какую из них писать первой. Только и всего. Между прочим, для меня рекорд скоростного написания — 40 страниц в сутки, но это бывает крайне редко, а рекорд антискорости полторы страницы в три недели, когда я семидесятистраничную повесть сократил до полутора страниц. С точки зрения коммерческой это был приступ шизофрении, но с точки зрения чисто литературной влество заурядной повести я получил полугоразданный рассказ, который оказался абсолютно доволен.

Кого из отечественных писателей XX века я бы оставил на пароходе современности, отплывающем в вечность? У меня получается так: Исаак Бабель, Борис Лавренев, Всеволод Иванов, Алексей Толстой, Михаил Булгаков, Василий Быков, Василий Шукшин, Владимир Богомолов, братья Стругацкие, Валентин Пикуль, Юлиан Семенов, Владимир Маканин, Виктор Пелевин и ваш покорный слуга.

Записал Александр СИРОТА.

1998. - 25 сент. - с. 8.